

УДК 811.512.157; 81.44

<https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-3-94-112>

Оригинальная научная статья

Базовые цветообозначения в якутском языке в сопоставлении с монгольским и русским: корпусный анализ сочетаемости

А. В. Тимофеева

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Якутск, Российская Федерация
✉ aitalina0895@gmail.com

Аннотация

Настоящее исследование посвящено актуальной проблеме взаимодействия универсальных и этноспецифических компонентов в языковой картине мира на материале цветообозначений. Цель работы заключается в выявлении соотношения универсальных (общечеловеческих), ареальных (тюрко-монгольских) и заимствованных (русских) элементов в семантике и функционировании базовых цветообозначений черного, белого и красного цветов в якутском языке. Исследование основано на анализе корпусных данных «Национального корпуса якутского языка», «Корпуса монгольского языка» и «Национального корпуса русского языка» с применением методов количественного и качественного анализа атрибутивных конструкций типа «Цветообозначение + объект», их сочетаемости. В результате проведенного анализа установлено, что цветовая картина мира якутского языка характеризуется сложным взаимодействием различных историко-культурных пластов. Выявлены универсальные прототипические сочетания (общие для трех языков комбинации черного цвета с объектами ‘глаз’ и ‘волосы’), а также специфические сочетания, которые отражают разнонаправленное культурное влияние, например, тюрко-монгольское (функциональное распределение между исконно-тюркским цветообозначением *урун* (сакральное) и монголизмом *манган* (предметное) для белого цвета) и русское (калькирование советской политической символики в сочетаниях с красным цветом). Научная новизна исследования заключается в том, что впервые комплексно применен корпусный метод для анализа цветообозначающей лексики якутского языка в сопоставительном аспекте. Полученные результаты имеют практическую ценность для теории языковых контактов и реконструкции языковых картин мира в разноструктурных языках, а также открывают пер-

© Тимофеева А. В., 2025

спективы для дальнейших диахронических и типологических исследований с привлечением материала других контактных языков.

Ключевые слова: цветообозначение, якутский язык, монгольский язык, русский язык, сочетаемость, корпусная лингвистика, языковые контакты, типология, языковая картина мира

Финансирование. Работа выполнена в рамках научного проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» по соглашению № 25-78-30006 от 22.05.2025 г.

Для цитирования: Тимофеева А.В. Базовые цветообозначения в якутском языке в сопоставлении с монгольским и русским: корпусный анализ сочетаемости. *Арктика XXI век.* 2025;(3):94–112. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-3-94-112>

Original article

Basic color terms of the Yakut language in comparison with Mongolian and Russian: a corpus analysis of collocations

Aitalina V. Timofeeva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ aitalina0895@gmail.com

Abstract

This study investigates the interaction between universal and ethno-specific elements in linguistic worldview through color terminology in the Yakut language. The research employs corpus linguistics methods to analyze attributive constructions of the “Color Term + Object” type from three corpora: the National Corpus of the Yakut Language, Mongolian Language Corpus, and Russian National Corpus. Through quantitative and qualitative analysis, the study examines the collocational patterns of basic color terms for black, white, and red. The findings reveal that Yakut color terminology demonstrates a complex interplay of various historical and cultural influences. Universal prototypical collocations were identified, particularly the combination of black with ‘eyes’ and ‘hair’, consistent across all three languages. Culture-specific patterns reflect multidirectional influences: Turkic-Mongolian impact is evident in the functional distribution between a color term of Turkic origin *uruy* (sacral concepts) and a color term of Mongolian origin *maḡan* (concrete objects) for white color, while Russian influence manifests through calques of Soviet political symbolism with red color.

The study's novelty lies in its pioneering application of corpus linguistics to color terminology in Yakut from a comparative perspective. The results contribute to language contact theory and linguistic worldview reconstruction, while opening avenues for future diachronic and typological research involving other contact languages in the region.

Keywords: color term, Yakut language, Mongolian language, Russian language, collocation, corpus linguistics, language contacts, typology, linguistic worldview

Funding. The research was funded by the grant of the Russian Science Foundation “Languages and Cultures of the Peoples of the North and Arctic of the Russian Federation: Comprehensive Socio-Humanitarian Research (based on Big Data Analysis)” No 25-78-30006 (22.05.2025)

For citation: Timofeeva A.V. Basic color terms of the Yakut language in comparison with Mongolian and Russian: a corpus analysis of collocations. *Arctic XXI Century*. 2025;(3):94–112 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-3-94-112>

Введение

Глубокую древность и универсальность базовых цветообозначений обуславливает их ключевая роль в первичной категоризации мира. Данные свойства выводят эту лексическую группу в ряд наиболее продуктивных объектов для типологических исследований, нацеленных на выявление как универсальных, так и специфических механизмов отражения действительности в языке. Особый интерес в этом контексте представляет сравнительный анализ разноструктурных, но контактных языков, к которым относятся якутский (язык тюркской группы), монгольский (язык монгольской группы) и русский (язык славянской группы) языки, история взаимодействия которых создает интерес для изучения межъязыкового влияния.

Целью настоящей статьи является определение соотношения универсальных (общечеловеческих), ареальных (тюрко-монгольских) и заимствованных (русских) элементов в семантике и функционировании цветообозначений якутского языка. Для её достижения с помощью корпусных данных и сопоставительного анализа атрибутивных конструкций будет исследована сочетаемость обозначений черного, белого и красного цветов, образующих первичный цветовой треугольник.

Концепция цветового треугольника, берущая начало в трудах Берлина и Кея [1], получила дальнейшее развитие и подтверждение в исследованиях ряда ученых [2; 3]. Черный, белый и красный цвета идентифицируются как базовые, образующие первоначальный этап в генезисе систем цветообозначений в языках мира. Подтверждением этому могут

являться результаты кросс-культурных исследований данной триады в ритуалах и символических системах народов Африки, Австралии, Северной Америки и Древней Индии [2, с. 71]. С точки зрения психолингвистики А.П. Василевич, в частности, отмечает, что ‘черный’, ‘белый’ и ‘красный’ исторически первыми закрепляются в лексиконе любого языка, тогда как обозначения для фиолетового, коричневого и оранжевого появляются на более поздних стадиях его развития [3, с. 134].

Выбор языков продиктован необходимостью провести типологический анализ языков, контактных с якутским и сыгравших определенную роль в историческом развитии лексической системы якутского языка. По другим контактным языкам, например, по эвенкийскому и эвенскому, на текущий момент репрезентативные корпуса отсутствуют, однако данное направление исследования остается перспективным.

Анализ сочетаемости цветообозначений с характеризующими их объектами выступает ключевым методологическим инструментом для реконструкции скрытых культурных моделей, историко-культурных взаимодействий и уникальных черт мировосприятия, закреплённых в языке.

Материалы и методы

Источниковой базой послужили электронные лингвистические корпуса: Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ)¹, Корпус монгольского языка (далее – КМЯ)² и Национальный корпус якутского языка (далее – НКЯЯ)³.

«Национальный корпус русского языка» (НКРЯ) является фундаментальным лингвистическим ресурсом, характеризующимся системной сбалансированностью и репрезентативностью. По состоянию на 2023 год объем корпуса превышает 2,5 миллиарда словоупотреблений, представленных более чем 1 000 000 текстовых документов, хронологически охватывающих период с XI века по настоящее время. Корпус структурно организован по принципу жанрово-стилевой стратификации, включая основные функциональные разновидности языка: художественные тексты (проза, поэзия, драматургия), публицистику, научную литературу, официально-деловые документы, религиозные тексты, мемуары, эпистолярные источники, устную речь (расшифровки спонтанных диалогов и монологов), а также интернет-коммуникацию. Особую

¹ Национальный корпус русского языка (НКРЯ) <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 17.07.2025)

² Национальный корпус монгольского языка <http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/> (дата обращения: 17.07.2025)

³ Национальный корпус якутского языка <https://sakha-corpus.ysn.ru/> (дата обращения: 17.07.2025)

ценность представляют специализированные подкорпуса: исторический (тексты XI–XIV вв., XV–XVII вв., XVIII в., XIX в., XX в.), параллельный (переводные тексты с оригиналами на 40 языках), диалектный, поэтический, мультимедийный (с привязкой к аудио- и видеозаписям), акцентологический и корпус русского учебного языка.

Корпус монгольского языка (КМЯ) представляет собой лингвистический ресурс, содержащий тексты на современном монгольском языке в кириллической графике. Объем корпуса составляет 1,2 миллиона словоупотреблений. Корпус включает тексты различных жанров и функциональных стилей, однако метаданные о составе и принципах отбора текстов в открытом доступе не представлены. Поисковый функционал позволяет осуществлять запросы по словоформам, леммам, грамматическим признакам, переводам и лексико-семантическим категориям с выводом контекстов употребления.

«Национальный корпус якутского языка» (НКЯЯ), официально запущенный в марте 2025 г. в тестовом режиме, является важным источником материала для анализа современного якутского языка. На текущем этапе корпус недостаточно сбалансирован, содержит неполные метаразметки и ограниченный набор инструментов для лингвистического анализа, однако представляет особую ценность, являясь наиболее полным собранием машинно-читаемых текстов на якутском языке на данный момент и может послужить незаменимым инструментом для получения более-менее репрезентативных данных по широкому спектру лингвистических явлений. Корпус включает в себя более 15 миллионов словоупотреблений, охватывающих более 8400 разнообразных текстов (документов) на якутском языке начиная с XX в. по настоящее время 2025 г. Литературный блок (романы, повести, рассказы, поэзия, авторские сказки) представлен 6065 документами, блок нелитературных текстов – 1539 (электронные СМИ, бумажные улусные газеты, научно-популярная литература), фольклорно-мифологический блок – 1040, блок религиозных текстов – 386. Кроме того, в корпусе присутствуют единичные документы таких жанров, как учебники, делопроизводство, тексты форумов и сказок. В процентном соотношении преобладают литературные произведения (64,2%), но, несмотря на выраженный дисбаланс в жанрово-стилистической репрезентации, «Национальный корпус якутского языка» имеет высокую ценность и предоставляет обширные возможности для проведения предварительных лингвистических исследований, в том числе для анализа сочетаемости цветообозначений якутского языка.

При работе с НКЯЯ применялась функция лексико-грамматического поиска для двух слов, где для «Слово 1» заполнялось поле

«Лемма» соответствующим базовым цветообозначением, а для поля «Слово 2» был задан грамматический параметр «существительное». В связи с неполными возможностями грамматического поиска в КМЯ и НКЯЯ, произведен поиск по цветообозначению, все результаты выгружены в отдельный текстовый массив, среди которого выявлены наиболее частотные атрибутивные конструкции «Цветообозначение (черный/белый /красный) + объект».

Результаты и обсуждение

Общее количество словоупотреблений «Цветообозначение (черный/белый /красный) + объект» по данным трех корпусов приведено в таблице 1, где видна значительная разницу между объемами – НКРЯ существенно превосходит корпуса якутского и монгольского языков как по общему объему словоупотреблений.

Таблица 1

Количество словоупотреблений «Цветообозначение (черный/белый /красный) + объект» по данным НКЯЯ, КМЯ и НКРЯ

Table 1

Number of word usages of the “Color term (black/white/red) + object” collocation based on corpus data

Якутский		Монгольский		Русский	
ЦО + Объект	Кол-во	ЦО + Объект	Кол-во	ЦО + Объект	Кол-во
Черный + объект	1504	Черный + объект	2089	Черный + объект	97109
Белый + объект	1464	Белый + объект	1547	Белый + объект	101284
манган	721				
үрүҥ	743				
Красный + объект	796	Красный + объект	1131	Красный + объект	81357

В таблицах ниже (табл. 2, 3, 4) приведены первые 10 объектов, наиболее часто описываемых цветообозначениями *хара* ‘черный’, *манган* и *үрүҥ* ‘белый’ и *кыһыл* ‘красный’ в якутском языке, *хар* ‘черный’, *цагаан* ‘белый’ и *улаан* ‘красный’ – в монгольском, *черный*, *белый* и

красный – в русском языке. Очевидно, что объектов, сочетаемых с данными цветообозначениями, существенно больше, однако ранжирование по частотности предпринимается с целью выявить наиболее универсальные объекты в ядре сознания носителей рассматриваемых языков. Объекты, зафиксированные в парных сочетаниях языков (якутский – монгольский и якутский – русский), выделены жирным шрифтом, тогда как объекты, общие для всех трех языков, маркированы жирным шрифтом с серым фоном.

Черный цвет

В НКЯЯ зафиксировано 1509 словоупотреблений «черный + объект», в КМЯ – 2089, НКРЯ – 97109, из них в Таблице 2 приведено количество употреблений первых 10 наиболее частотных объектов по каждому языку.

Таблица 2

Объекты, наиболее часто характеризующиеся цветообозначением «черный» в якутском, монгольском и русском языках

Table 2

Most frequent collocates for ‘Black’ in Yakut, Mongolian, and Russian

Ранг	Якутский		Монгольский		Русский	
	Объект	Кол-во	Объект	Кол-во	Объект	Кол-во
1	<i>тыа</i> ‘лес’	466	<i>хун</i> ‘человек’	114	<i>море</i>	4485
2	<i>үлэ</i> ‘работа’	141	<i>нүд</i> ‘глаза’	75	<i>глаза</i>	3035
3	<i>дьай</i> ‘нечистая сила’	112	<i>морь/ат</i> ‘лошадь’	48	<i>хлеб</i>	1806
4	<i>муора</i> ‘море’	107	<i>юм</i> ‘нечто, кое-что’	47	<i>дыра</i>	1779
5	<i>харах</i> ‘глаза’	100	<i>мод</i> ‘дерево’	37	<i>волосы</i>	1707
6	<i>баттах</i> ‘волосы’	91	<i>ус</i> ‘волосы’	31	<i>платье</i>	1045
7	<i>хаан</i> ‘кровь’	83	<i>сахал</i> ‘борода, усы’	30	<i>день</i>	954
8	<i>былыт</i> ‘облако’	81	<i>гэр</i> ‘дом’	29	<i>ход</i>	936
9	<i>буор</i> ‘почва, земля’	80	<i>цай</i> ‘чай’	24	<i>человек</i>	867
10	<i>суор</i> ‘ворон’	77	<i>санаа</i> ‘мысль, дума’	23	<i>тень</i>	797

Из таблицы 2 видно, что два объекта – ‘глаза’ и ‘волосы’ входят в 10 наиболее частотных словосочетаний во всех трех языках, что может свидетельствовать о потенциальной универсальности данного объекта в качестве прототипа для черного цвета, по крайней мере, в рассматриваемых языках.

В якутском языке наиболее частотным является устойчивое словосочетание *хара тыа* (букв. черный + лес). ‘Лес’ в якутском языке описывается еще одним цветообозначением *күөх* ‘синий/зеленый’, но реже (22 употребления), причиной этому могут являться несколько факторов. Во-первых, данное словосочетание часто функционирует в качестве элемента устойчивой эпической формулы в якутском эпосе олонхо, а доля фольклорных текстов в НКЯЯ составляет 11%. Данную формулу можно представить следующим образом: «X + ЦО + объект», где X – любое другое прилагательное, часто не характеризующее цвет. Так, в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» зафиксированы 16 вариантов данной формулы, например: *адаар хара тыа* (букв. развилыстый + черный + лес), *баай хара тыа* (букв. богатый + черный + лес), *үрдүк хара тыа* (букв. высокий + черный + лес) и др. [4]. Во-вторых, словосочетание *хара тыа* может быть связан с термином ‘черный лес’, обозначающий разновидность темнохвойной тайги Сибири, а именно густые пихтово-еловые леса с примесью осины и березы, формирующиеся в горах. В-третьих, вероятно, такая устойчивость может говорить о сохранении древней тюркской семантики – одним из значений цветообозначения *қаға* в тюркских языках А.Н. Кононов выделяет значения ‘большой’, ‘крупный’, ‘обильный’: ср. тат., башк., уйг. *қара орман/урман* ‘дремучий лес’ [5, с. 162].

В монгольском языке цветообозначением ‘черный’ чаще всего характеризуется объект ‘человек’, ср. устойчивое словосочетание монг. *хар хүн* ‘а) мирянин, светский человек; простой человек, гражданин; б) муж’, где реализуется одно из значений монг. *хар* – ‘простой, обычный; физический, черный, грубый’ [6, с. 899]. ‘Черный’ имеет семантику ‘простой, простолюдин, народ’ как в тюркских языках [5, с. 169], так и в якутском, ср. устойчивое выражение *кыра-хара дьон/киһи* (букв. маленький-черный + люди/человек) в значении ‘бедные, неимущие люди, часть населения, используемая на черных работах’ [7, с. 400]. В русском языке объект ‘человек’ с цветообозначением ‘черный’ зафиксирован, однако не имеет похожей семантики.

В русском языке наиболее частотный объект, характеризующийся цветообозначением *черный*, – море, видимо, как часть гидронима *Черное море*, что и является причиной частотности данного словосочетания. Частотность «черный + море» в якутском корпусе объясняется

калькированием данного топонима из русского языка – все 59 случаев употребления являются топонимами.

Як. *хара үлэ* (букв. черный + работа) может являться калькированием с русского *черная работа*, так как имеет такое же значение, что и в русском [8, с. 443]. Однако в монгольском языке также имеется устойчивое словосочетание монг. *хар ажил* (букв. черный + работа) ‘черная работа; неквалифицированный труд’ [6, с. 900].

В словосочетании *хара дьай* (букв. черный + нечистая сила) цветообозначение *хара* с як. *дьай* ‘сила (дух, нечисть), приносящая человеку страдания, болезни, смерть (обычно употребляется с эпитетами *хара, хараҥа*)’ [7, с. 286] отражает ярко выраженную негативную коннотацию данного цветообозначения.

Как было сказано выше, кровь в якутском языке чаще всего описывается черным цветом (83 употребления с цветообозначением ‘черный’), чем красным цветом (13 употребления), что коррелирует с предыдущими выводами о неоднозначности выделения крови как прототипического объекта для красного цвета, хотя в БТСЯЯ в толковании лексемы *кыһыл* приводится сравнение с цветом крови: *хаан курдук өһнөөх* ‘цвета крови’ [9, с. 370].

Белый цвет

По белому цвету в НКЯЯ зафиксировано 1464 словоупотреблений сочетания «*манан/маҕан* или *үрүҥ* + 1 слово», из них с цветообозначением *манан/маҕан* – 721, *үрүҥ* – 743, в КМЯ с цветообозначением *цагаан* – 1547, в НКРЯ с лексемой *белый* – 101 284 словоупотребления. Количественный анализ выявляет существенную асимметрию в объемах данных между корпусами – объем данных НКРЯ превосходит якутский корпус в 69 раз, а монгольский – в 65 раз.

В таблице 3 в первых 10 объектах, наиболее часто характеризующихся цветообозначением ‘белый’ в якутском, монгольском и русском языках, не обнаружены объекты, зафиксированные во всех трех языках. В якутской системе зафиксировано больше всего совпадений с монгольским языком (40%): як. *манан/маҕан* и монг. *цагаан* совпадают в объектах ‘лошадь’, ‘лицо’, ‘простор’ и ‘душа’, с русским языком зафиксировано 1 совпадение с объектом ‘ночь’.

То, что цветообозначение *манан/маҕан* наиболее часто встречается в сочетании с объектом ‘лошадь’, вполне логично, учитывая монгольское происхождение данного цветообозначения от обозначения масти скота: < п.-монг. *танган* ‘лошадь со звездой на лбу’, *tangqar* ‘лошадь или крупный рогатый скот с белой головой или мордой’ [10, с. 72; 11, с. 255; 12].

Таблица 3

Объекты, наиболее часто характеризующиеся цветообозначением
«белый» в якутском, монгольском и русском языках

Table 3

Most frequent collocates for ‘White’ in Yakut, Mongolian, and Russian

Ранг	Якутский				Монгольский		Русский	
	маҕан/ маҕан + Объект	Кол.	урун + Объект	Кол.	Объект	Кол.	Объект	Кол.
1	<i>ат/сылгы</i> ‘лошадь’	100	<i>хайа</i> ‘гора’	187	<i>сар</i> ‘луна’	101	<i>свет</i>	3300
2	<i>баттах</i> ‘волосы’	87	<i>күн</i> ‘солнце’	169	<i>гэр</i> ‘дом’	68	<i>дом</i>	2760
3	<i>күн</i> ‘солнце’	77	<i>ас/ аһылык</i> ‘пища’	134	<i>шүд</i> ‘зубы’	44	<i>халат</i>	1611
4	<i>хаар</i> ‘снег’	68	<i>тыын</i> ‘ды- хание, (душа)’	112	<i>царай, нүүр</i> ‘лицо’	41	<i>день</i>	1496
5	<i>танас</i> ‘одежда’	61	<i>эһэ</i> ‘мед- ведь’	64	<i>тал</i> ‘степь, равнина’	38	<i>платье</i>	1425
6	<i>халлаан</i> ‘небо’	60	<i>айыы</i> ‘Бог, бо- жество’	59	<i>хан</i> ‘хан’	34	<i>ночь</i>	1305
7	<i>сирэй</i> ‘лицо’	48	<i>түүн</i> ‘ночь’	51	<i>морь</i> ‘лошадь’	32	<i>море</i>	1294
8	<i>таба</i> ‘олень’	44	<i>илгэ</i> ‘бла- годать’	49	<i>сэтгэл</i> ‘душа’	29	<i>пятно</i>	1197
9	<i>дуол</i> ‘простор’	30	<i>бастаан- һа</i> ‘вос- стание’	42	<i>сахал</i> ‘борода, усы’	20	<i>рубашка</i>	1148
10	<i>куобах</i> ‘заяц’	14	<i>үйэн</i> ‘горно- стай’	39	<i>эсгий</i> ‘войлок’	19	<i>зуб</i>	1082

В случае с объектом ‘лицо’ необходимо отметить то, что як. *сирэй* ‘лицо’ является лексической параллелью монг. *царай* ‘лицо’, а для монг. *нүүр* в якутском имеется параллель як. *һуур* ‘1. гладкая поверхность;

2. лицо человека, лик, облик’ [13, с. 146–147]. В целом в лексике якутского языка особое место занимает образная лексика, отражающая особое восприятие и видение окружающей действительности, в частности, внешности человека. Согласно исследованию С.Д. Егиновой [14], лексико-семантическая группа прилагательных, описывающая внешность человека в якутском языке, многочисленна (около 300 адъективных основ) и демонстрирует высокую степень разнообразия. Среди групп лексем, характеризующих голову, лицо и ротовую полость человека, наибольшей по количеству является группа для описания «лица», включающей 27 единиц. Таким образом, те или иные черты лица больше всего концептуализируются в сознании носителей якутского языка. Кроме того, как установила С.Д. Егинова, значительная часть таких прилагательных обнаруживает лексические соответствия в бурятском языке. Все это может служить дополнительным подтверждением тому, что наличие высокочастотного сочетания «белый + лицо» в якутском и монгольском языках позволяет выдвинуть гипотезу о существовании общей ареальной традиции антропоцентрического описания, потенциально обусловленной монгольским лингвокультурным влиянием.

В якутском языке все 30 словоупотреблений сочетания *манган дуол* ‘белый простор’ в НКЯЯ представлены как часть поэтического описания снежной тундры – *Улуу Манган Дуол* (букв. Великий Белый Простор) в романах «Тыгын Дархан» и «Глухой Виллой» якутского писателя В.С. Яковлева – Далана.

В.С. Яковлев – Далан «Глухой Виллой».

(1) *Туманнаах Түбэттэн хоту ирбэт чэн-хаар сиксиктээх Муус Кудулу Далайга диэри уйаара-кэйээрэ биллибэт, устата-туората кэм-нэммэт Улуу Манган Дуол нэлэһийэн сытара* [15, с. 4].

‘На север от Долины Туманов до самого Ледовитого океана – Муус Кудулу Далай, что в глубине своего сердца хранит не тающий никогда иней и лед, – простиралась бескрайняя, безбрежная, не меренная никем тундра – Великий Белый простор, или, как зовут его якуты, *Улуу Манган Дуол*’ [16, с. 4].

Данный случай демонстрирует, что частотные показатели могут отражать идиолектные особенности конкретного автора или ограниченного круга источников, что подчеркивает необходимость критического подхода к интерпретации количественных данных и учета репрезентативности корпусного материала.

Хотя в КМЯ не в полной мере отражается информация об источниках контекстов, по большинству имеющихся примеров видно, что в монгольском языке сочетание *цагаан тал* (букв. белый + степь, равнина)

чаще используется для описания степи (см. ‘открытая степь’ [6, с. 1112]) и снежного простора:

(2) *Алс тэртээх уудам цагаан тал руу харахад дөрвөн хошуу мал багиран бэлчээрлэж үзэгдэв.*

‘Если посмотреть на бескрайнюю **белую равнину** вдали, виднеются четыре пасущихся стада скота’ [пер. автора].

(3) *Хайрган хөрст хүрэн бор өнгийн тал хөндий, шил нуруудыг огтчин тэнхээ мэдэн давхисаар хоер өртөө шахам явсныхаа эцэст нимгэн цасанд хучигдсан мэл цагаан тал залган авахад сая зогслоо.*

‘Пересекав (преодолев) коричневую долину с гравийной почвой, стеклянными хребтами, я только что остановился, увидев **белую степь**, покрытую тонким снегом’ [пер. автора].

Второе базовое обозначение белого цвета в якутском языке *үрүн* имеет совпадение с объектом ‘душа’ в монгольском языке и ‘ночь’ в русском.

Як. *үрүн түүн* (букв. белый + ночь) может являться калькированием из рус. *белая ночь*, отражающая особенности полярных и субарктических регионов.

В монгольском языке устойчивое словосочетание *цагаан сэтгэл* (букв. белый + сердце, душа) имеет значение ‘добродушие; искренность’ [6, с. 881]. В якутском *үрүн тыын* (букв. белый + дыхание) является поэтическим обозначением жизни, используется в составе таких устойчивых фраз, как, например, *үрүн тыын өллөйө* фольк., поэт. (букв. белый + дыхание + спасение-POSS.3SG) ‘защита, спасение души (от смерти, гибели)’ [13, с. 418].

В якутском языке лексемы *манган/мабан* и *үрүн* выступают доминирующими цветообозначениями для объекта ‘солнце’. Употребление цветообозначения *манган/мабан* зафиксировано преимущественно в составе устойчивых сочетаний по модели «Прилагательное + *манган/мабан* + *күн* ‘солнце’». Данная модель образована по ранее упомянутой эпической формуле «X + ЦО + объект», где X – любое другое прилагательное, часто не характеризующее цвет, например: *аламай манган күн* (светлое/ласковое белое солнце), *дьэрис манган күн* (яркое белое солнце), *толомон манган күн* (отборное/лучшее белое солнце) и другие аналогичные конструкции.

Красный цвет

В НКЯЯ зафиксировано 796 словоупотреблений «Красный + объект», в МКЯ – 1131, в НКРЯ – 81 357 словоупотреблений.

Таблица 4

**Объекты, наиболее часто характеризующиеся цветообозначением
«красный» в якутском, монгольском и русском языках**

Table 4

Most frequent collocates for ‘Red’ in Yakut, Mongolian, and Russian

Ранг	Якутский		Монгольский		Русский	
	Объект	Кол-во	Объект	Кол-во	Объект	Кол-во
1	<i>знамя</i> ‘знамя’	254	<i>орос</i> ‘русский’	47	<i>армия</i>	7076
2	<i>аармыйа/армия</i> ‘армия’	198	<i>хад</i> ‘скала’	38	<i>крест</i>	2643
3	<i>этэрээт</i> ‘отряд’	96	<i>армий</i> ‘армия’	33	<i>пло- щадь</i>	2634
4	<i>обо</i> ‘ребенок’	90	<i>туг</i> ‘флаг’	33	<i>знамя</i>	1909
5	<i>былаах</i> ‘флаг’	56	<i>нар</i> ‘солнце’	32	<i>вино</i>	1429
6	<i>муннук</i> ‘угол’	53	<i>булан</i> ‘угол’	22	<i>звезда</i>	1423
7	<i>арыгы</i> ‘алкоголь’	50	<i>бүч</i> ‘платок’	21	<i>дерево</i>	1315
8	<i>сулус</i> ‘звезда’	49	<i>царай/нүүр</i> ‘лицо’	20	<i>флаг</i>	1298
9	<i>диплом</i> ‘диплом’	43	<i>туяа(н)</i> ‘блеск’	16	<i>пятно</i>	1041
10	<i>тыл</i> ‘язык’	40	<i>цус</i> ‘кровь’	15	<i>лицо</i>	771

Во всех трех языках красный сочетается с объектами ‘армия’ и ‘флаг’ (табл. 3), и, вероятно, ассоциируется с революционными движениями в первой половине XX в. в России и Монголии. С данными историко-политическими событиями, а также реалиями Советского Союза в якутском языке связаны 6 объектов (*знамя* ‘знамя’, *аармыйа/армия* ‘армия’, *этэрээт* ‘отряд’, *былаах* ‘флаг’, *муннук* ‘угол’, *сулус* ‘звезда’), в русском – 5 объектов (‘армия’, ‘площадь’, ‘знамя’, ‘звезда’, ‘флаг’) языке, в монгольском – 3 объекта (*армий* ‘армия’, *туг* ‘флаг’, *булан* ‘угол’). Якутская система демонстрирует больше совпадений с русским языком в объектах ‘знамя’, ‘армия’, ‘звезда’ и ‘флаг’, с монгольским – ‘армия’, ‘флаг’ и ‘угол’. Частотность в сочетании с цветообозначением «красный» данной группы объектов свидетельствует об общих и/или сходных историко-политических реалиях и процессах культурного взаимодействия в языковой картине мира в якутском, монгольском и русском языках.

Як. *кыһыл арыгы* (букв. красный + алкоголь) ‘красное вино; вино, изготовленное чаще из винограда’ [17, с. 567], вероятно, является калькированием из русского, т.к. распространение вина на территории Якутии связано русской культурной и торговой экспансии XVII–XVIII вв. Стоит отметить, что другое словосочетание, построенное по модели «Цветобозначение + *арыгы* ‘алкоголь’», *үрүҥ арыгы* (букв. белый + алкоголь) используется для номинации водки и разбавленного спирта [17, с. 567].

Еще одним примером калькирования является як. *кыһыл диплом* (букв. красный + диплом) < рус. *красный диплом*, обозначающее диплом с отличием. Данная лексическая единица служит не только свидетельством языкового калькирования, но и маркером глубоких социокультурных трансформаций, включая возникновение и развитие организованного образования как одного из ключевых последствий вхождения региона в состав России.

Проведенный анализ демонстрирует, что в корпусе наиболее частотных объектов, характеризующихся цветобозначением *кыһыл* ‘красный’, доминируют (8 из 10) лексемы, обозначающие объекты, заимствованные якутской лингвокультурой в результате тесного межкультурного взаимодействия с русским населением. Данные концепты охватывают ключевые аспекты социокультурного взаимодействия: становление государственности, институализацию системы образования, а также адаптацию новых пищевых и торгово-экономических практик.

Оставшиеся два случая представлены устойчивыми выражениями як. *кыһыл оҕо* (букв. красный + ребенок) ‘новорожденный, младенец’ и як. *кыһыл тыл* (букв. красный + язык) ‘пустословие, фразерство’ [18, с. 276].

Параллели «красного ребенка» обнаружены: в других тюркских языках (алтайский, тувинский и тофаларский, казахский), в монгольском языке, в языках Юго-Восточной Азии (японский, китайский, тайский, лаосский, шанский, индонезийский, малайский, яванский и ветарский), в семи языках внешней Полинезии (восточный увеа, эмаэ, нукуману, самоя, такуу, тикопия и пилени); такая ареальная разбросанность может говорить о возможной универсальности данной семантической модели, обусловленный цветом кожи новорожденного ребенка [19, с. 2023].

Як. *кыһыл тыл* состоит из цветобозначения *кыһыл* ‘красный’ и существительного *тыл*, который представлен двумя многозначными омонимами, означающими ‘орган в полости рта’ и ‘средство общения’ [20, с. 348–350]. В «Якутско-русском фразеологическом словаре» А.Н. Нелунова приводится буквальный перевод ‘красное слово’

[18, с. 276], в русском языке похожее выражение *красное слово/словоцо* имеет другое значение ‘остроумное слово, выражение’ [21, с. 367]. Гипотезу о более раннем происхождении данного словосочетания поддерживает его наличие в древнетюркском языке *qizil til* (букв. красный + язык) с практически идентичной семантикой ‘скверное слово, злословие’ в памятнике «Кутадгу билиг» [22, с. 246]. Указанный факт можно рассматривать как дополнительный аргумент в пользу гипотезы о существовании тесных языковых контактов между предком якутского языка и уйгурским в среднетюркский период [23].

Заключение

Проведенное сопоставительное исследование наиболее частотных атрибутивных конструкций «Цветообозначение (черный/белый / красный) + объект» якутского языка в соотношении с монгольской и русской лингвокультурами на основе корпусных данных позволило выявить сложную систему факторов, определяющих семантику и сочетаемость базовых цветообозначений. Суммируя полученные результаты, можно констатировать, что цветовая лексика якутского языка представляет собой уникальный синтез универсальных и специфических этнических черт.

Во-первых, анализ подтвердил существование как универсальных, так и культурно-специфических прототипов. Универсальность наиболее ярко проявляется в сфере черного цвета, для которого в трех языках общим прототипом выступают антропоморфные объекты (‘глаза’, ‘волосы’). В то же время, белый цвет не демонстрирует таких кросс-культурных универсалий, а его восприятие оказывается глубоко специфичным для каждой из рассмотренных лингвокультур.

Во-вторых, исследование наглядно показало разнонаправленное историко-культурное влияние на якутский язык. С одной стороны, выявлена устойчивая монгольская составляющая, особенно в структуре белого цвета: функциональное распределение между исконным *үрүн* (абстрактно-сакральная сфера) и заимствованным *манан* (предметный мир) отражает глубокие ареальные связи и антропоцентрические модели, общие с монгольской традицией. С другой стороны, доминирующее влияние русской (советской) социокультурной реальности отчетливо прослеживается в семантике красного цвета, где большинство высокочастотных сочетаний являются кальками, связанными с историко-политической символикой.

Таким образом, комбинация количественных и качественных методов анализа сочетаемости цветообозначений доказала свою эффективность как инструмент для реконструкции культурных кодов. Цветовая

картина мира якутского языка предстает не статичным набором символов, а динамичным образованием, в котором переплетаются общечеловеческие опыты цветовосприятия, наследие тюрко-монгольского взаимодействия и мощный пласт заимствований, обусловленных интенсивными контактами с русской культурой в новейший исторический период. Перспективы дальнейшего исследования видятся в углубленном диахроническом анализе для более точной датировки заимствований, а также в расширении круга сравниваемых языков для уточнения ареальных универсалий.

Сокращения

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка

Букв. – буквальный перевод

КМЯ – Корпус монгольского языка

Монг. – монгольский язык

НКРЯ – Национальный корпус русского языка

НКЯЯ – Национальный корпус якутского языка

П.-монг. – письменно-монгольский язык

Поэт. – поэтизм

Рус. – русский язык

См. – смотри

Ср. – сравни

Фольк. – фольклор

Як. – якутский язык

Литература

1. Berlin B., Kay P. *Basic color terms. Basic colour terms, their universality & evolution*. Berkeley: University of California Press. 1969 (на англ.).
2. Тэрнер В.У. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала ндембу). *Семиотика и искусствознание*. 1972:50–81.
3. Василевич А.П. *Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте*. Москва: Наука. 1987.
4. Ойуунускай П.А. *Дьулуруйар Ньургун Боотур*. Дьокуускай: Сахаполиграфиздат. 2003 (на якут.).
5. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. *Тюркологический сборник*. Москва: Наука. 1975.
6. *Большой академический монгольско-русский словарь* / ред. А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндамба, Г. Пюрбеев. Т. 2. Москва: Academia. 2001.

7. *Толковый словарь якутского языка* / ред. П.А. Слепцов. Т. 3. Новосибирск: Наука. 2006.
8. *Большой толковый словарь якутского языка* / ред. П.А. Слепцов. Т. 12. Новосибирск: Наука. 2015.
9. *Большой толковый словарь якутского языка* / ред. П.А. Слепцов. Т. 5. Новосибирск: Наука. 2008.
10. Рассадин В.И. *Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках*. Москва: Наука. 1980.
11. Khabtagaeva B. *Etymological notes on Yakut color terms*. *International Journal of Eurasian Linguistics*. 2019;1(2):249–267 (на англ.).
12. Афанасьева Е.Н. Развитие семантики цветообозначений үрүн и манан в якутском языке как свидетельство языковых контактов. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020;18(1):45–56.
13. *Большой толковый словарь якутского языка* / ред. П.А. Слепцов. Т. 7. Новосибирск: Наука. 2010.
14. Егинова С.Д. *Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизскими языками)*. Новосибирск: Наука. 2014.
15. Яковлев В.С. – Далан. *Бүтэй Булуу*. Дьокуускай: Сахаполиграфиздат. 1995 (на якут.).
16. Яковлев В.С. – Далан. *Глухой Виллой*. перевод с якутского Либединской Л. Москва: Современник. 1986.
17. *Толковый словарь якутского языка* / ред. П.А. Слепцов. Т. 1. Новосибирск: Наука. 2004.
18. Нелунов А.Г. *Якутско-русский фразеологический словарь = Сомоҕо домох сахалыы нууччалыы тылдьыта*. Т. 1. Новосибирск: Издательство СО РАН. 1998.
19. Федотова И.В., Прокопьева А.К., Шамаева А.Е., Тимофеева А.В. Якутские обозначения младенца и основные стратегии номинации новорожденного ребенка в тюркских языках. *Урало-алтайские исследования*. 2023;2(49):96–111. DOI: <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2023-49-1-96-111>.
20. *Большой толковый словарь якутского языка* / ред. П.А. Слепцов. Т. 11. Новосибирск: Наука, 2014.
21. *Фразеологический словарь современного русского литературного языка* / ред. А.Н. Тихонов. Москва: Флинта: Наука. 2004.
22. Naci̇b Y.N. *Kutadgu Bilig*. İstanbul: Kabalcı yayınevi. 2008 (на тур.).
23. Малышева Н.В. Лексико-семантические параллели якутского и уйгурского языков. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2014;(1):76–80.

References

1. Berlin B, Kay P. *Basic color terms. Basic colour terms, their universality & evolution*. Berkeley: University of California Press. 1969.
2. Turner WW. The problem of color classification in primitive cultures (based on the Ndembu ritual). *Semiotics and artometrics*. 1972:50–81 (in Russian).
3. Vasilevich AP. *Study of vocabulary in a psycholinguistic experiment*. Moscow: Science. 1987 (in Russian).
4. Oyuunuskay PA. *Djuluruyar Nyurgun Bootur*. Djokuuskai: Sakhapolygrafizdat. 2003 (in Yakut).
5. Kononov AN. Semantics of color terms in Turkic languages. *Turkological collection*. Moscow: Science. 1975 (in Russian).
6. *Large Academic Mongolian-Russian Dictionary* / ed. A. Luvsandendev, Ts. Tsedendamba, G. Pyurbeev. Vol. 2. Moscow: Academia. 2001 (in Russian).
7. *Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 3. Novosibirsk: Science. 2006 (in Russian).
8. *Large explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 12. Novosibirsk: Science. 2015 (in Russian).
9. *Large explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 5. Novosibirsk: Science. 2008 (in Russian).
10. Rassadin VI. *Mongol-Buryat borrowings in Siberian Turkic languages*. Moscow: Science. 1980 (in Russian).
11. Khabtagaeva B. *Etymological notes on Yakut color terms*. *International Journal of Eurasian Linguistics*. 2019;1(2):249–267.
12. Afanasyeva EN. Development of the semantics of the color terms үрүһ and мҕаһ in the Yakut language as evidence of language contacts. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2020;18(1):45–56 (in Russian).
13. *Large explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 7. Novosibirsk: Science. 2010 (in Russian).
14. Eginova SD. *Figurative adjectives of the Yakut language (in comparison with the Buryat and Kyrgyz languages)*. Novosibirsk: Science. 2014 (in Russian).
15. Yakovlev VS. – Dalan. *Butey Buluu*. Djokuuskai: Sakhapoligrafizdat. 1995 (in Yakut).
16. Yakovlev VS. – Dalan. *Butey Buluu*. Translation from Yakut by L. Libedinskaya. Moscow: Sovremennik. 1986 (in Russian).
17. *Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 1. Novosibirsk: Science. 2004 (in Russian).
18. Nelunov AG. *Yakut-Russian phraseological dictionary = Somogo domokh sakhalyy nuuchchalyy tyldyta*. Vol. 1. Novosibirsk: Publishing house SB RAS. 1998 (in Russian).

19. Fedotova IV, Prokopyeva AK, Shamaeva AE, Timofeeva AV. Yakut designations for a baby and the main strategies for nominating a newborn child in Turkic languages. *Ural-Altai studies*. 2023;2(49):96–111. DOI: <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2023-49-1-96-111> (in Russian).

20. *Large explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 11. Novosibirsk: Nauka. 2014 (in Russian).

21. *Phraseological dictionary of modern Russian literary language* / ed. AN. Tikhonov. Vol. 2. Moscow: Flinta: Science. 2004 (in Russian).

22. Hacib YH. *Kutadgu Bilig*. İstanbul: Kabalcı yayınevi. 2008 (in Turkish).

23. Malysheva NV. Lexical and semantic parallels of the Yakut and Uyghur languages. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences*. 2014;1:76–80 (in Russian).

Об авторе

ТИМОФЕЕВА Айталина Владимировна – младший научный сотрудник, Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики», Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3310-942X>, WoS ResearcherID: ADV-3438-2022, Scopus AuthorID: 58563892700, Elibrary AuthorID: 1166900, SPIN: 3592-7210, e-mail: aitalina0895@gmail.com

About the author

Aitalina V. TIMOFEEVA – Junior Researcher, Research Laboratory «Linguistic Ecology of the Arctic», M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3310-942X>, WoS ResearcherID: ADV-3438-2022, Scopus AuthorID: 58563892700, Elibrary AuthorID: 1166900, SPIN: 3592-7210, e-mail: aitalina0895@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 20.07.2025

Поступила после рецензирования / Revised 18.08.2025

Принята к публикации / Accepted 09.09.2025